

ПЛАТОНОВ И СОЛЖЕНИЦЫН (ЗАМЕТКИ ПРИСТРАСТНОГО ЧИТАТЕЛЯ)

В.И.Ищук

г. Санкт-Петербург, Россия

Желание провести сравнение творчества замечательных русских писателей задумывалось мною давно. Во-первых, в конце века совпадали во времени юбилеи писателей (его величество число): 80-летие со дня рождения здравствующего А.И. Солженицына (1918) (АИС) и 100-летие А.П.Платонова (1899-1951) (АПП). Во-вторых, оба они активно возникли в общественном сознании России (АПП уже во второй раз!) в начале 60-х годов и теперь, в начале нового века, получили мировое признание окончательно. И, наконец, что наиболее существенно, оба являются подлинными творцами языка. Согласно известной антититезе Виктора Ерофеева, они оба относятся к слову по второму правилу: «Существует два отношения к слову: слово как инструмент писателя и писатель как инструмент языка...».

Великая литература - это довольно часто и публичная попытка утверждения великого гуманизма. Каким же образом это утверждение реализуется в их творчестве?

Всё, по сути, определяется свойствами таланта и содержанием авторской позиции, которая во многом зависит от социокультурной среды, воспринимающей творчество пишущего, а также особенностей периода времени, в котором протекало формирование его личности, и возникал успешный писательский опыт.

Рассмотрим грани творческого облика писателей в следующем порядке: 1. Игра жизни. 2. Трагическое (смерть). 3. Одиночество. 4. Коммуникация. 5. Любовь. 6. Религия. 7. Язык. 8. Общая идея (творческое кредо).

1. Игра жизни. Оба писателя - дети своего времени. АПП - 10-20-х годов, а АИС 30-40-х ХХ века (детство и молодые годы). Поэтому отношение к таким социальным институтам (организациям) и явлениям, как война и тюрьма у них своё, особенное. Ведь так называемая эпоха «Красного колеса», основными своими социальными проявлениями имеет перманентную войну (самую страшную – гражданскую, и самые масштабные - мировые) и политическую тюрьму (ГУЛАГ), совмещенную с тоталитарным прессом, а в последнее время – с криминализацией жизни вообще.

С психологической точки зрения индивидуальное происхождение также важно. Даже не происхождение, а «среда прохождения» детства. Платонов жил в полной, хотя и бедной семье в рабочей слободе под Воронежем. Солженицын - от рождения сирота, уроженец юга России. Отец АПП - Платон Фирсович Климентов (1870-1952) - лучший производственник, фантазёр, выдумщик, живой прототип и машиниста Мальцева, и отца из рассказа «Третий сын», и Фомы Пухова из «Сокровенного человека», а у АИС отец всего лишь некий прекрасный символ. Как и А.Экзюпери («Мы родом из детства»), А.Платонов помнит свое детство: «есть время в жизни, когда невозможно избежать своего счастья» и далее полученное на всю жизнь ощущение - чувство России: «Россия - страшная высота неба и особая гулкость пространства». Как следствие этого, множество замечательных рассказов о детях, об этом мире глазами детей. У АИС другое - о детстве вообще ничего нет. Великий смысл семьи и матери у АПП воплотился в общемировую идеологию сочувствия, а у АИС - симбиоз богатых родственников по материнской линии и идеального отца-интеллекта, а затем судьба лишенца, по сути. Щербаки (Томчаки в «Красном колесе») серьёзно претерпели от советской власти, и отчасти поэтому мать АИС была заносчива, консервативна, вздорна. Гумус (родной дом) стал для АИС адским испытанием. Он хотел вырваться из этой среды любыми средствами. Это и побудило Солженицына заняться писательством. Отметим также и то, что его опосредовано родное казачество - это не перемолотый дух древней свободы, переходящий в консервативный традиционализм. У АИС и в публицистике присутствуют мечтания об идиллии доиндустриального общества. Причина возникновения тяги к перу у Платонова более глобальна. Идея жизни была главной идеей всего, что он писал. Он сформировался человеком, благодарным за жизнь - за факт жизни. По мироощущению это наш русский Альберт Швейцер («Благоговение перед жизнью»). Он доподлинно знал, что духовная и этическая сила человека есть процесс и путь, который он проходит в течение жизни. С помощью уникального языкового пространства, объединяющего внутренний и внешний миры человека, упраздняющего границы между живым и неживым, индивидуальным бытием и коллективной волей, он утверждал, что «добро требует неизмеримо больше энергии, чем зло. Поэтому добро трудно». В рассказе «Песчаная учительница» так описан принцип благоговения перед жизнью (вечной жизнью): «Я

помню их, ты запомни меня, и тебя запомнят, кто после тебя народятся... Так и будем жить один в другом, как один свет».

Кто оказал наибольшее влияние на АПП – А.Эйнштейн и неевклидова геометрия Н.Лобачевского. Дарвинизм и антропософия Р.Штайнера, «Философия общего дела» Н.Федорова, исторический материализм К.Маркса (Баршт К.А.). По поводу авторитетов такого уровня в отношении АИС трудно что-либо заявить. В своей эпопее «Красное колесо» АИС попытался ответить на вопрос: «ленинизм: загадочный недуг, или варварское здоровье русской истории?». Оказалось в результате, что эта попытка его ответа зиждется на психолого-социальной основе - не художественной, не философской, не религиозной, то есть не от культуры: эта основа военно-политическая, та же, что и у Ленина, хоть и в другой обёртке. Это глубочайшее, сердцевина, центр центров души. Она, а не истина царствует над иерархией ценностей - это про гордыню АИС. У АИС идеология, как и у большевиков, торжествует над здравым смыслом... Ленин и Солженицын - «бесы» однопорядковые. Прагматический «перпетуум-мобиле», замешанный на полудуховности и исторических предрассудках.

Существенным представляется и отношение обоих писателей к такому эпохальному событию, каковым является Великая Отечественная Война. В личном плане успешная военная карьера АИС оборвалась арестом, поэтому он не воспринял Великой Победы и не оценил настоящего подвиг народа. У него просто нет ярких произведений о Великой Отечественной Войне. А вот АПП прошёл дорогами войны сполна и сумел воплотить в слове эту сверхпобеду России. Такие его рассказы как «Одухотворенные люди», «Взыскание погибших» говорят о том, что победа для русского народа - это категория календарная, историческая, метафизическая и религиозно-мистическая. Его рассказ «Возвращение» - изумительное произведение, в котором проникновенная правда бытия военного времени снова соединяет в финале родных людей, *победивших любовью ужасы войны*. Вот как описывает он прозрение главного героя рассказа: «Иванов закрыл глаза, не желая видеть и чувствовать боли упавших обессилевших детей, и сам почувствовал, как жарко у него стало в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нём, билось долго и напрасно всю его жизнь и лишь теперь оно пробилось на свободу, заполнив всё его существо теплом и содроганием. Он узнал вдруг всё, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал другую жизнь *через преграду самолюбия* и собственного интереса, а теперь внезапно *коснулся её обнажившимся сердцем*».

В 1945 г. свершился огромного значения социально-исторический синтез, по сути, обозначивший то состояние общества, которое позволяет соединиться всем. Разве АИС это заметил, выразил, понял, и разве может он адекватно воспринимать теперешнее состояние России? Вспомним хотя бы его достаточно мрачные прогнозы и «шараханья» в публицистике (70-е - угроза неизбежной победы коммунизма во всем мире, 90-е - предвещательное состояние России)? Такой вопрос у меня возникает.

2. Трагическое (смерть). АПП, как последователь русского мыслителя-космиста Н.Федорова, считал, что человеческое бытие без попытки вернуть бытие (физическое) утратившим его мёртвым - не только безнравственно, но и противоестественно. «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц» - это мысль Н.Федорова. Диалог эпох важен для осознания каждой из них. Поэтому воссоздание виртуальных образов отцов - так называемое «воскрешение отцов» - не за горами, а технология клонирования тела вместе с информационным (цифровым) образом позволяет фантазировать, и не беспочвенно фантазировать, на эту тему (см., например, «Голубое сало» В.Сорокина и созданный им портрет – Платонов [3]?!).

Саша Дванов и его отец (роман «Чевенгур») легко расстаются с жизнью. Доминирующий тип мазохиста в тоталитарной культуре воспринят АПП и с особой силой воспроизведён в произведениях. Дванов: «Он до теплокровности мог ощутить чужую отдалённую жизнь, а самого себя воображал с трудом. О себе он только думал, а постороннее чувствовал с впечатлительностью личной жизни и не видел, чтобы у кого-нибудь это было иначе». Нечувствующий собственной жизни не может различить и смерть другого - отсюда особо сердечное отношение героев к мертвым телам и их спокойствие (крестьяне в «Котловане»). Ощущение того, что смерти нет, возникает при прочтении ряда рассказов и романа «Чевенгур». Ф.Пухов («Сокровенный человек»): «После смерти жены его прожгла эта мрачная неправда и противозаконность события». Противозаконна смерть потому, что законом в платоновском мире является взаимная животворящая связь между человеком и землёй. Умиравшие люди АПП не чувствуют боли, потому что их мысль уходит из вещества тела, переходя в энергию мысли. «Смерть - это переход вещества в энергию». «Чувства высоко поднимались сердцем и

падали по другую сторону его, уже превращённые в поток облегчающей мысли». Становясь миром и снимая оппозицию «Я»-«не Я», человек снимает вопрос о смерти.

Более традиционно по отношению к этой теме ведёт себя в творчестве АИС. Это и понятно, суровые испытания века, которые находятся в поле зрения его «схватчивого ока», испытания жизнью обязывают смотреть правде (земной реальности) в глаза. Высоты моцартовского реквиема достигает описание нелепой гибели и похорон Матрёны, а смерти солдат в описаниях сражений I Мировой Войны («Красное колесо») - это, несомненно, шедевры батальной прозы. Что-нибудь комментировать по поводу смерти людей в «Архипелаге» не приходится, разве что привести для динамизации оттенков гневную филиппику на этот счёт Варлама Шаламова: «В лагерной теме не может быть места истерике. Истерика для комедий, для юмора. Ха-ха-ха. Фокстрот - «Освенцим»?!».

Тем не менее, патетика (пафос) обоих писателей сходна - страху смерти человек противопоставляет инстинкт продолжения рода и развивает (формирует) с помощью укрепления культуры инстинкт сохранения рода путём актуализации духовного начала.

3. Одиночество. Как личности, АПП и АИС по-разному проявляются в реализации технологии самодоставания жизни: работа землеустроителем, длительные командировки и переписка с женой АПП; тюремный срок и болезнь АИС. «Был Божий указ, потому что лагерь направил меня наилучшим образом к моей главной (литературной) теме». Осенённый Благодатью АИС. Но и АПП «не лыком шит»: «жизнь - это безраздельное служение истине. Смысл бытия можно обрести только в благодати; благодать дается только ищущим этот смысл...».

Осторожная рациональность присутствует у АИС: «Не падай духом при попадании в ГУЛАГ; не слишком радуйся, когда выйдешь из него!». Ю.Карякин отметил «мауглизм Солженицына»! Упор на индивидуальную этику в публицистике. Жизненная установка (позиция) у АИС - самому не замараться. Одновременно следует отметить «глобализм» Платонова, его глобальную этику. Основной вектор, формирующий сюжет произведений АПП, - это направление прорыва из социальной реальности к Космосу сквозь преграду стены смерти... Человек живёт в двух ипостасях: в обыденной истории плоского «вещевого» хозяйственного мира и большой истории Космоса. Благоговение перед Миром и диалогичность, то есть уважение всего земного - это атрибутика творчества Платонова.

4. Коммуникация. Социальная траектория АИС неотделима от его происхождения. Первичный габитус (конституция, внешние очертания) его включает: ориентацию на доминирование и публичный успех; веру в собственную правоту; умение маскироваться; гибкость тактик; сочетание консерватизма и бунта.

Иерархизация литературного поля как происходит? Известно, что литературное поле - место перманентной борьбы двух принципов - гетерономного (символические услуги господствующим) и автономного - критические мыслители, интеллектуалы, пытающиеся вторгнуться в политику на её территорию. (А где же художники слова?!). Чтобы инновация имела успех, внутри поля должна быть «дыра» - альтернатива господствующему дискурсу. Вот такую «дыру» и организовал АИС, затеяв «Архипелаг»... Но при этом он превратился в киборга. Киборгианство АИС идёт от его спасения. Натиск раковых метастаз и избавление от смерти. «Вся возвращенная мне жизнь с тех пор не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель...». Живой человек и киборг - где проходит между ними граница? АИС превращается в киборга, потому что слишком прогнозирует, реализуя эту вложенную цель, слишком программирует свою жизнь и упоает на благодать Божию... Может быть, Сверхчеловек Ф.Ницше и есть киборг? Где граница между благородной нетерпимостью гения и самовластным капризом человека?

Так угодно было распорядиться судьбе, чтобы АИС преподал нам два урока: первый - небывалого мужества, которое оказалось всё превозмочь и победить; второй - бесплодного самоупоения ненавистью и гордыней. «Великое дитя ужасного века», Солженицын регулятор борьбы с эгоцентризмом отключил: он осознал свой эгоцентризм законным, ощутил себя *человекобогом*. Жалость, милосердие, справедливость, отзывчивость, благодарность - чем далее, тем меньше эти свойства становились нужны ему. Всякий раз, как АИС применяет «принцип Китовраса» (Ж.Нива), он тяжело оскорбляет людей чувствительных и честных, но втянутых в компромисс с действительностью. *Человекобог*, который всё решает, всё может, всех судит и, в общем-то, осуждает. Нет, другой мир, для живых - это *Богочеловек* и его паства, живые люди из плоти и крови, которые стремятся к *Богу*, но они рабы его и судить всё и вся не могут, а следуют *суду Божию*... Человек есть слово, произнесённое Богом. Тюрьма не может привести к слову - прав, в конечном итоге, оказывается В.Шаламов в заочном споре с АИС.

В.Шаламов и АИС - это примеры живого и киборга. Для киборга не проходит пушкинское: «Веленью Божию, о муза...».

АИС: анализ - мера - кара. АПП: синтез - целостность - система ценностей (своя доморощенная) - идеология русского космизма. Извечный антипод АИС Андрей Д.Синявский не без основания утверждал: «Литература - это частное дело писателя и читателя». Характерен в этом смысле опыт постмодернистов, в частности романов Саша Соколова. Действительно, всё творчество не имеет «коллективной цели», а человек не имеет «коллективной воли», поэтому и «ультиматум» АИС по поводу публикации его произведений в России в начале 90-х, и телеверсия романа «В круге первом», - не вразумляет российского читателя.

Из ответа на «Теленка» известного новомировского редактора и критика В.Я.Лакшина: «Солженицын привык заранее так думать: “Современная печатная литература до той поры (1961 г.) только смешившая меня, тут уже стала раздражать...” Ни об одном писателе, кроме себя, он не сказал ничего с подлинным сочувствием. О Булгакове он отзывался с изрядной долей писательской ревности». В.Шаламову, так и вовсе, мстил. АИС действует по пословице: «разорвись надвое, - скажет: а что не начетверо». Про личные качества А.Т.Твардовского АИС высказал либо прямую неправду, либо ту неприятную, скользкую пятнающую полуправду, которая хуже заведомой лжи. Прямо по У.Блейку: «Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна». Дух всех его высказываний собакевичевский: «Один-де во всем городе порядочный человек прокурор, да и тот, если правду сказать, свинья». «Темечко не выдержало», - комментировал А.Твардовский обольщение Солженицына своей славой. «Троя не обязана Шлиману» - это уже из афоризмов АИС. Наша Троя, как говорится, не страдает избытком скромности. «Он будто летит в бесконечном пространстве и спешит забыть, что первую космическую скорость дал ему журнал Твардовского». С начала 50-х годов он (АИС) окончательно уверовал в «Божье чудо» и «вложенную цель». Такая «жизнь на краях» воспроизводила привычку распространять свой жизненный опыт на мрачные прогнозы и не вполне адекватные откровения («Россия в обвале»). В лагере АИС освоил неразборчивость в средствах, психологию упреждающего удара, жестокость, отношение к людям, как к средству для достижения целей (пусть и сверхличных).

АИС всегда политик, его «ковчеги» плывут «сквозь извилистый заблудившийся поток проклятой Истории». Но тем поразительней все его попытки пробиться к самой мучительной тайне бытия: «претворению зла в добро через страдание...»!

Основной смысл коммуникативных устремлений Платонова - экология. Экология как этикоонтология (Баршт К.А.) - этого в произведениях АПП предостаточно. Саша Дванов («Чевенгур») - это Святой Франциск Ассизский, ищущий общий язык со всеми тварями и предметами. Саша Дванов способен вступить в диалог с забором... Диалогичность АПП очень важна для понимания его натуры. *Стремление людей в одно целое - это закон этической гравитации.* Абсолютная культурная парадигма: «Я и творец и сотворенный». Интеллектуальная революция, совершенная АПП, - это объединение человеческих сознаний, а не «социальных личностей». В этом он похож на Ф.Достоевского. Интеллигенция у АПП - это человек, ставящий вопрос морально-духовного бытия в основание своей реальной профессиональной деятельности. Он созвучен в этом направлении Даниилу Андрееву, мысль которого состояла в том, что «с течением времени очертания интеллигенции совпадут с очертаниями человечества». Собор этически совершенных людей - это идеал Платонова. Высший вид «вещества-энергии» - положительное этическое чувство.

АИС, как впрочем, и А.П.Чехов, не понимает интеллигенцию. О народном коммунизме, гениально описанном АПП, он (АИС) и не задумывается. У него носитель зла - интеллигенция... В «Образованщине» он предъявил счёт интеллигенции, дал ей презрительную кличку, повернулся к «Вехам», проявил почвеннические симпатии, ретроспективные интересы...

5. Любовь. АПП, по меткому замечанию В.Чалмаева, самый «антисексуальный», стыдливейший художник, будет вечно изображать любовь материнскую, возвышать тайну сердца истинной матери, подчеркивать её противоположность, например Анне Карениной, не сумевшей изъять «свою любовь из-под власти судьбы». Из письма жене Марии Платоновой - любимой, верной настоящей: «Мое спасение - в переходе моей любви к тебе в религию. И всех людей в этом спасение... Я от тебя ничего не требую теперь. В обоготворении любимой есть высшая и самая прочная любовь». (В этом смысле творчество Арсения Тарковского и П.Филонова близко художественным взглядам АПП). Любовь и сексуальные отношения не синонимы в художественной системе АПП: если первое наращивает спасительную энергию человека, то второе - безвозвратно губит её, способствуя углублению энтропии. «Женщина и мужчина - два лица одного существа - человека; ребёнок же является их общей вечной

надеждой». И вот знаменитый рассказ «Река Потудань», где АПП описывает взаимные ощущения человека человеком, столь связанных общей целью и общей судьбой. «Однако Никита не узнал от своей близкой любви с Любой более высокой радости, чем знал её обыкновенно, - он почувствовал лишь, что сердце его господствует во всём его теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением». Здесь половая любовь подчинена духовной близости, ведь, по сути, любовь - это «нравственное притяжение двух тел».

Совсем по-другому у АИС. Любовь - партнерство по жизни, хотя, в зависимости от обстоятельств, возможны и жертвы («В круге первом»). Любовные перипетии главного героя «Красного колеса» (Воротынцев и Ольга) отражают и метания самого АИС на любовном фронте (склочный развод с Н. Решетовской, жалобы с её стороны в официальные органы). И, что важно подчеркнуть, он счастлив в любви: Н. Д. Светлова (Солженицына) - муза его последнего периода, ведёт его по жизни, поощряет «демонические заскоки мужа», «тверда в борьбе». Именно борьба, «невероятный гений борьбы» уводил АИС в сторону от любви, хотя в праведнице Матрёне показана (наблюдена) высшая форма любви - христианская. У АПП всё это полнее и глубже.

6. Религия (поиск союза музы и божественной воли). Бог - каратель (антихрист по Ф. Горенштейну), поэтому гордыня, нахрап, демонизм АИС. Догматическое христианство в натуре Солженицына. Именно с этим связано сужение художественных возможностей. Художественное искусственно «обрамляет» его идеологическую парадигму; он является нам как нравственный киборг Бога - «монстра антикоммунизма». «Самый страшный чёрт, который Богу молится» - польская пословица. Эту тему никто всерьёз не рассматривал по отношению к АИС.

Религиозно-философская концепция АПП - это всеобщее братство на основе спасения мира и человека. Пространство (дорога), Время (ветер), Энергия бытия (любовь) - основные координаты мира его героев. АПП мечтает о «Новом Пушкине», как вещественно-энергетическом воплощении троицы в виде: «Любови - Творчества - Свободы» (Шубин Л. А.). Смерть и апокалипсис могут быть побеждены не гениальными одиночками, но лишь совокупными усилиями всего человечества.

7. Семиотика (язык). Как доказал Л. Выгодский, создание художественной системы есть акт перевода с «внутреннего языка» писателя на язык внешне коммуникативный, что определяет несводимость системы... к «дискурсу».

Борьба за свой язык - это отвоёвывание свободы, ломка той рефлекторной дуги, которая возникает между готовыми формулами (сигналами) и сознанием, формулами-окриками и командами. АИС - археолог языка. Читатель «Красного колеса» чувствует уже в «Августе 14-го» некоторые изменения внешней формы слова с помощью игры суффиксов и приставок - «весь охвачен свербежом, они дружественели, начинала на кое-какстве, лицо жестело, ощитить её зеленохохлый соснячок, вышатывать Россию, речевитые главари, овражденел к Столыпину, зацарился, Ленин катал и катал шар головы по письму...».

АПП - писатель-философ, равный по идеологическому потенциалу Ф. Достоевскому и Л. Толстому. АПП - открыватель и создатель русского языка, формирующий не семантические «отклонения», но сам язык. Создавая свои необычные словосочетания и поражая своей способностью за счет двух-трёх обыденных слов создать художественный знак необычной новизны и силы, он актуализирует комплексное мышление, родственное мыслящему, рисующему и говорящему ребенку. Дети мыслят группами ассоциаций, образующих абрис идеи... Творческая работа - это управляемый творящим писателем «сон наяву»... Э. Хэмингуэй: «Язык Платонова гениален» (О рассказе «Третий сын»). АПП, наравне с величайшим поэтом XX века Ф. Кафкой, пробился к истине - *не к той реальности, в которой мы якобы существуем, но к той, что существует в нас*, - и создал по-настоящему большой стиль - мучительный, но неотразимо внятный. Платонов работает с рождающимся словом, лезущим на свет Божий. Великая косноязычная речь и нарочитое графоманство, но какое! «...Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь, чтобы дети могли ещё уповать, а не зябнуть». *Он - единственный писатель во всей мировой литературе. Глупый и гениальный А. П. Платонов. Он писатель будущего XXII века!* В текстах Платонова явлена духовная конструкция русского народа. Он синтезировал в своих произведениях идеального советского человека (Рассадин С. Б.). АПП, как и Ф. Достоевский, по известному определению Б. Энгельгардта, «изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании». Проза АПП - это виртуозное сочетание двух систем понятий: архаической и современной.

8. Творческое кредо. Проблема укрепления гуманизма в культуре и обществе - это, безусловно, век XX. Рождённые на рубеже веков - Платонов, Хемингуэй, Экзюпери, Ремарк, Фолкнер - верили в силу духа человека, в его моральную победу над обстоятельствами.

Платонов верит в человека: «*Страна темна, а человек в ней светится*». У АПП парадигмы поэтического языка распределяются на поверхностное и «сокровенное» (то есть истинное, глубокое, бессмертное, сильное, энергетически богатое). «Ну, как? - спросил Пухов - *и поглядел на небо*». Это есть у Е.Трубецкого: «Полнота всемирного смысла может явиться только в объединении Неба и Земли...». Ограниченное время и пространство несовместимы с сокровенным платоновским человеком, который в своем волевом усилии устремлен к точке истины в пространстве Космоса. В художественном мире АПП происходит формирование особого типа антропологической концепции негуманоидного типа по принципу полного функционального взаимозамещения, при ослаблении антропоморфного и зооморфного кодов. Система персонажей составляет множество: от растений и минералов до животных, включая человека, квазимеханизмов, изоморфных неуничтожимому и имманентно живому «веществу существования».

Те, кто сформировался перед II мировой войной – А. Солженицын и Г.Бёлль – рассуждают о проблеме «социум и индивид, общество и человек, общество и община». Со стороны АИС бесконечное недоверие к власти и подозрения по поводу сохранения результатов выборов. Солженицын не доверяет человечеству (социуму). Но фундамент тоталитаризма надо искать не в религии или безбожии, а «*в понимании массовым человеком самого себя*». Антитеза творческого кредо АПП и АИС заключается в следующем: «*вера в человека соответствует более высокому уровню веры в Бога, нежели вера в народ (русский)!*».

У АПП основная коллизия разворачивается «внутри» человека (его душевные переживания, так называемая внутренняя жизнь), технология и метафизика принятия решения каждым из героев важны для него, а у АИС - вне человека, в социуме; линия поведения героев выстраивается по вертикали. АПП декларирует: «*Качество личного бытия надо измерять мерой сострадания к неизжитому горю других*». Однако нельзя не отдать должного и АИС. Внедрить во время и в события абсолюты добра, отделенные от зла, неподсудные временщикам, - вот это его задача и в «Круге первом», и «Красном колесе». А.Ф.Лосев: «История всегда есть история понятых или понимаемых фактов». В «Красном колесе» происходит выжигание частной жизни вихрем событий... АИС не испугался, что факты, им увиденные, окажутся громогласнее, сильнее текстов. Мир как текст: «Я делаю выводы не из прочтенных философий, а из людских биографий... без участия масс и низов нет истории, нет исторического повествования».

Эстетика АИС формировалась в тесном союзе с математикой. Налицо обилие публицистичности и математичности в романах (архитектоника «Красного колеса» это подтверждает), но и образное начало присутствует в публицистике посредством большого разнообразия поговорок и пословиц.

Эстетика АПП формировалась в тесном союзе с механикой и инженерным делом. АПП активно применял процесс одухотворения мира: «И духовное вновь обретает материальное тело, возникает вещество существования». Человек сам и есть это «вещество существования», на его высшем энергетическом уровне развития. У Платонова течение времени прямо связано со свойствами пространства, а состояние пространства с его энергетической полнотой. Вещественно-энергетическое взаимодействие с Мирозданием, преобразование низких энергий в высокие должно стать основой человеческого бытия (Баршт К.А.). Вопрос о месте человека в мире - главный вопрос творчества АПП. Истина - это не место или форма, а состояние участка и всего «вещества существования». *Жизнь (по АПП) - это безраздельное служение истине.*

Дневник писателя, как одна из разновидностей художественной публицистики, с авторством АИС сформирован в 90-е годы в «Новом мире». Все-таки стратегия жизни побеждает в нём стратегию художника. Дневник писателя - это в завуалированном виде расправа над негодными (неудобными). Так или иначе, а оценки творческих и человеческих качеств с его стороны имеют и А. Синявский, и В.Некрасов, и Ю.Нагибин, и его оппонент В.Шаламов, и И.Бродский и весь авангард. Кого он принимает безоговорочно и «снимает шляпу», так это А.Платонова. Художественно-идеологический тип личности, воплотившийся в АИС, исключает понимание «другого» или «чужого», как равноправного партнера. (Он не способен к диалогу, а значит, не до конца культурен!), исключает вопрошание как позицию, не приемлет проблематичность отношений. Аморализм в художественной сфере ему враждебен. Мир Солженицына исключает не только юмор, но и жалость!? В процессе анализа творчества И.Бродского налицо раскол культуры в России: «гигант» Солженицын не воспринимает «титана» Бродского. Не совпадает не только поэтика, мировоззрение, философия жизни, если хотите - *не совпадает этика*. Именно Моцарта нашей поэзии конца века АИС переводит в «регистр» Сальери - для чего же? Отделаться от него. Оружие Солженицына - слово, вот он словом и уничтожает. Власть и искренность художника (ортодоксия совести) - сообщающиеся

сосуды. Властолюбие (гордыня) - главный грех АИС. Это и «Ленин в Цюрихе», это и невидимая борьба с Твардовским, Шолоховым и другими. АИС и Л.Толстой в одном направлении смотрели на культуру, как на «образованщину».

Профетизм к хорошему не приводит. Религиозная атака на культуру. «Образованщина» и общий разврат на основе себялюбия, что хуже? Профетизм - это демонизм, нарушение естественных отношений между религией и культурой. Феномен АИС - «человек из подполья», «Маугли» выходит из подполья и утверждает себя. Во времена Ф.Достоевского это было невозможно. В наше время всё возможно.

У АПП - маленький человек не выходит из подполья: в сферу управления и даже в обеспечивающую сферу. Он просто всё осмысливает, всё понимает, становится интеллектуальным (активным) элементом не социума, но всей Вселенной. Ангел - однозначен, прозрачен, натурален. Демон - многозначен, искусственен. АПП - ангел, ну а АИС - соответственно, демон.

Солженицын - дитя цивилизации XX века в России, «гений времени и места». Сложность судьбы АИС в современной России, сложность его «победы» (не во имя же духовного обнищания?) ещё не приблизились к разрешению (объяснению).

Платонов - составная часть российской культуры на все времена, наряду с Пушкиным, Толстым и Достоевским. Вот так, и не иначе!

Литература

1. Чалмаев, В.А. Андрей Платонов: К сокровенному человеку / В.А. Чалмаев. - М.: Сов. писатель, 1989.
2. Шубин, Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет / Л.А.Шубин. - М.: Сов. писатель, 1987.
3. Баршт, К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К.А.Баршт. - СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2005.
4. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество: кн. для учащихся / В.А.Чалмаев. - М.: Просвещение, 1994.
5. Нива, Ж. Солженицын / Ж.Нива; пер с фр. Симона Маркиша; предисл. И.Виноградова. - М.: Худ. лит., 1992.
6. Лакшин, В.Я. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» / В.Я. Лакшин // Берега культуры: сб. ст. / сост. С.Н.Лакшина. - М.: МИРОС, 1994.
7. Рассадин, С.Б. Русская литература: от Фонвизина до Бродского / С.Б.Рассадин. - М.:СЛОВО, 2001.